

Федеральное агентство по образованию
Новосибирский государственный университет
экономики и управления

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
В АСПЕКТЕ ПОЛИТИКИ,
ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ И ПРАВА

Под редакцией
кандидата филологических наук Л.М. Гальчук

Новосибирск
2007

Социализм и консерватизм в общественной мысли Англии первой половины XIX в.: природа общности (К постановке проблемы)

Первая половина XIX в. – это время, когда в условиях промышленной революции формируется индивидуалистическое индустриальное общество и происходит оформление трех основных направлений современной общественно-политической идеологии – либерализма, консерватизма и социализма.

На самом деле этот тезис нуждается в уточнении, поскольку у исследователей нет единого мнения относительно того, к какому именно времени следует отнести возникновение каждого из этих направлений, и если большинство из них связывает зарождение консерватизма с «Размышлениями о французской революции» Эдмунда Бёрка, опубликованными в 1790 г., то генезис либеральных и социалистических идей многие авторы относят к временам гораздо более ранним. Представляется, однако, что лишь в условиях промышленного переворота эти доктрины обретают соответствие тому обществу, состояние и перспективы которого они интерпретируют, и благодаря этому они становятся основой практически-политической деятельности и даже государственной политики. К 30-м годам XIX в. относится и начало широкого использования этих терминов для идентификации социально-политических доктрин соответствующего направления – и для их размежевания, в качестве своего рода маркеров в политической борьбе.

Однако изучая общественную мысль Англии первой половины XIX в., приходится достаточно часто отмечать, что те, кого мы характеризуем как консерваторов, и те, кого считаем социалистами, используют весьма сходную аргументацию, когда характеризуют современное общество, анализируют природу свойственных ему пороков. Более того, в 30-е годы XIX в. некоторые консерваторы, например Бенджамин Дизраэли, объявляют себя социалистами, а двумя десятилетиями позже социалист Джон Рёскин говорит о себе как об «истинном тори».

Эдмунд Бёрк, размышляя о событиях, происходящих во Франции, обращает внимание и на проблемы современного ему англий-

ского общества: «...век рыцарства прошел; за ним последовал век софистов, экономистов, клерков... Щедрость, защита слабых, воспитание героизма – все разрушено. Они исчезли – эта чувствительность к принципам, строгость чести, которая внушала отвагу и в то же время смягчала жесткость, которая оживляла все, к чему прикасалась, и при которой даже порок утрачивал половину зла и грубости»¹. Общество изменилось, исчезли смыслы, делающие власть великодушной, а повиновение добровольным.

«Естественные попечители народа предали своего подопечного, и результат их наблюдается повсюду», – развивает его мысль Сэмюэл Тейлор Кольридж, поэт «Озерной школы», когда-то приветствовавший начавшуюся во Франции революцию, а затем перешедший на позиции консерватизма. Он также осуждает нравственную деградацию аристократии и духовенства; по его мнению, проблемы, волнующие его соотечественников, имеют не столько экономическую, сколько духовную природу. Дух торгашества, выгоды, рационализма причинил огромный моральный ущерб Англии, он привел к установлению нового промышленного общества, «саморегулирующейся экономической машины», которая «несет угрозу человеческой личности». Развитие промышленности положило конец гармонии между сословиями. Коммерческий дух стал распространяться и в сельском хозяйстве, что привело к резкому снижению уровня жизни масс².

Другой поэт «Озерной школы», проделавший сходную эволюцию, Роберт Саути, пишет в 1829 г. в романе «Томас Мор, или Беседы о развитии и перспективах общества»: «Отныне миром правит пар, и он еще будет сотрясать его, прежде чем установит свое господство. При этой системе исчезают мелкие лавочники, как исчезли мелкие фермеры, когда промышленные принципы стали в большом размере проникать в сельское хозяйство... Разорившийся фермер может проложить себе путь в промышленность. Но из тех, кто проводит свое несчастное детство в качества детали машины на хлопкопикеткацкой фабрике, вероятно, лишь один из тысячи хорошим поведением и благодаря счастливому случаю добьется занятия делом, которое обеспечит ему

¹ Бёрк Э. Размышления о французской революции. – М., 1993. – С. 79.

² См.: История политических и правовых учений XIX в. – М., 1993. – С. 48.

респектабельное положение, и лишь один из миллиарда сам станет хозяином-фабрикантом и положит начало семье, которая займет место среди денежной аристократии страны»¹. Происходит ломка психологии рабочего, который еще несколько десятилетий назад мог мечтать со временем стать хозяином.

Основным жизненным принципом имущих слоев становится стремление к ненасытной денежной наживе, вторит им Роберт Оуэн, успешный предприниматель, ставший одним из родоначальников социалистической мысли. Он тоже не избежал идеализации доброй Старой Англии, где, как ему представляется, не было такого хаоса в общественных отношениях, такой вопиющей нищеты масс, где «взаимные добрые услуги» соединяли хозяев и работников «добрыми узами», а постоянная связь человека с землей облагораживала его характер². Виновник падения нравов английского общества – его стремление к денежному обогащению, из-за которого «человек живет в таких условиях, что видит все окружающее как бы на бегу... стремится к индивидуальному обогащению, пренебрегает самим собою, своим благополучием, своими потребностями и даже страданиями»³.

Концентрация богатства у определенных общественных групп, не регулируемая законодательными актами и нравственными нормами конкуренция, которая способствовала увеличению производства, ужесточала правила трудовой деятельности рабочих. Ожесточенность конкурентной борьбы Оуэн связывает с падением нравственных норм владельцев фабрик, с их стремлением удовлетворить свое тщеславие. Удовлетворение тщеславия ведет человечество к пробуждению эгоизма, духа наживы, обмана. «Причиной человеческих бедствий... служат три основных заблуждения относительно формирования человеком самого себя, способности его по собственному произволу верить или не верить, испытывать любовь или ненависть... по собственному произволу»⁴.

Огромные богатства, произведенные механизмами, по его мнению, приносят в общество бедствия, а не благодать: «...механи-

¹ Цит. по: *Андерсон К.М.* Оуэнисты в Британии. – М., 1989. – С. 88–89.

² *Кан С.Б.* История социалистических идей. – М., 1963. – С. 156.

³ *Неманов И.Н.* Промышленная революция в Великобритании и утопический коммунизм Р. Оуэна. – Смоленск, 1987. – С. 70.

⁴ *Оуэн Р.* Избранные сочинения: В 2 т. – М., 1950. – Т. 2. – С. 29.

ческое усовершенствования... вызвали накопление богатства в руках немногих...»¹. Машинные фабрики производят большое количество богатства, которое сосредотачивается у владельцев фабрик, а рабочие получают мизерное вознаграждение. Концентрация произведенного богатства у одного человека формирует «естественное стремление... к увеличению богатства... Стремление к увеличению богатства ведет к захвату богатства других людей, а также усилению эксплуатации рабочих, ...низшие слои населения, труд которых создает эти богатства, доведены новыми конкурентами с их борьбой против тех, кто давно занимал свои позиции, до состояния подлинного угнетения... их состояние более угнетенное, чем было до возникновения промышленности...»².

Бенджамин Дизраэли, лидер молодых тори, в социальном романе «Сибилл» (1845) так характеризует современное английское общество в диалоге своих героев: «Говорите что хотите, наша королева управляет крупнейшей из когда-либо существовавших наций», – говорит Эгрмонт журналисту Морли, близкому к чартистам. «Которой?» – прерывает его тот и тут же поясняет: «...потому что она управляет двумя... двумя нациями, которые столь же мало способны понять друг друга, как будто речь идет об обитателях различных географических широт или даже планет. Люди этих разных наций по-разному воспитываются, едят разную пищу, обладают разными нравами, управляют разными законами». Эгрмонт в недоумении: «Вы говорите о...?» – «О богатых и бедных», – отвечает его собеседник. В Англии две нации, которые противостоят друг другу, и нет у них общего»³.

Социалист Джон Брей примерно в это же время размышляет о несправедливостях, которые разделяют общество «...на бездельников и производителей, на людей, получающих двойную долю за ничегонеделание, и на людей, получающих половинную долю за двойную работу...»⁴.

Томас Карлейль, популярнейший литератор Викторианской эпохи, которого возглавляемое Дизраэли общество «Молодая

¹ Оуэн Р. Указ. соч. – Т. 1. – С. 20.

² Оуэн Р. Там же. – С. 70.

³ Ивашева В. «Век нынешний и Век минувший». Английский роман XIX в. в его современном звучании. – М., 1990. – С. 108.

⁴ Брей Дж.Ф. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению. – М., 1956. – С. 45.

Англия» считало своим духовным вождем, пишет, что «...человечество распалось на две секты: щеголей и каторжников труда... В сущности, секта щеголей придерживается первоначального культа самообожания, измененного и приспособленного согласно требованиям новейших времен. У них есть свои храмы, поклонение в которых совершается... по ночам... Священные книги, которых имеется вообще достаточно, называются у них "Модными новостями"». Главные пункты их верования: панталоны на бедрах должны сидеть в обтяжку... разрешается носить белые жилеты... Удивительную противоположность щеголям представляет другая секта... несчастных рабов, или каторжников труда», – продолжает Карлейль и добавляет, что их священная книга «до сих пор еще не издана, и поэтому довольно затруднительно говорить об ее верованиях. Она придерживается... монашеского устава; так все рабы связаны двумя обетами: обетом бедности и повиновения, которые они блюдут с великой строгостью; мало того, они дают свои обеты даже до появления еще своего на свет Божий... они живут в мрачных помещениях... питаются кореньями... селедкой... от другой животной пищи они воздерживаются, кроме падали... напиток виски... содержащий алкоголь,... принадлежность всех их религиозных церемоний и потребляется в большом количестве»¹.

Как видим, в интерпретации проблем современного общества социалисты и консерваторы и в самом деле порою едва отличимы друг от друга. Немало общего между ними и в представлениях о том, какие изменения претерпела в современном им мире такая категория, как труд, – причем и для консерваторов, и для социалистов он представляется категорией не только и не столько материальной, сколько нравственной. Обесчеловечение труда в условиях промышленного производства, когда человек становится не более чем придатком машины, приводит, по мнению Оуэна, к деградации как человека, так и общества. Тем, что труд человека теряет нравственную ценность, обеспокоен Кольридж: «Разве доброе имя и духовное состояние человека, который трудится, чтобы доставлять нам удовольствие, заслуживает меньше признательности, чем репутация какого-нибудь торговца»². Особым смыслом наполняется категория труда в творчестве Карлейля,

¹ Карлейль Т. Теперь и прежде. – М., 1994. – С. 357–376.

² Кольридж С.Т. Избранные труды. – М., 1987. – С. 63.

который противопоставлял изматывающую человека работу во имя поддержания своего существования – или во имя обогащения – труду подлинному, труду как служению: «Всякий истинный труд священен; в каждой истинной работе, хотя бы то было просто рукоделие, есть что-то божественное». Нельзя продавать свой труд, равно и свою жизнь. «Никогда ты жизнь свою или хоть часть ее не продашь за надлежащую цену. Подари же ее по-царски: пусть ценой ее будет ничто...»¹ – В результате конкурентной борьбы на рынке труда, по мнению социалиста Джона Грея, «человек становится всеобщим врагом людей...»².

В творчестве каждого из этих авторов как бы присутствует одновременно два разных мира – мир доброй Старой Англии и индустриальной Великобритании. Облик ушедшей Англии отличается от настоящего не только промышленностью, но и нравами, и социальными отношениями. Но патриархальные ценности доброй Старой Англии утратили силу, смягчавшую общественное неравенство. В современной Великобритании резко обозначилось противостояние богатый–бедный, исчезло чувство благородства и чести, преданность хозяину и верность долгу – их заменили денежные отношения, благоприятствующие корысти, индивидуализму и тщеславию.

Разумеется, между социалистами и консерваторами в их представлениях о прошлом и настоящем своей страны было не только общее, гораздо больше можно усмотреть различий, например, в представлениях о равенстве и неравенстве, о природе собственности, о принципах государственного устройства – но в данном случае нас интересуют именно точки соприкосновения.

Есть они и в их размышлениях о том, какими способами можно если не излечить, то хотя бы смягчить пороки современного общества. Неприятие действительности, ее негативных проявлений подталкивает мыслителей на поиск «несуществующей страны» или «царства осуществленной мечты», и в категориях утопического конструирования с равным правом может быть рассмотрен социальный идеал и социалистов, и консерваторов. Хотя здесь различия оказываются еще более значимыми.

¹ См.: *Болдырев Н. Laborare est orare // Библиотека Флорентия Павленкова. Биографическая серия. – Т. 13. – С. 507–508.*

² *Грей Дж. Сочинения. – М., 1955. – С. 55.*

Консерваторы стремятся открыть дверь настоящего для духовного климата прошлого. Можно сказать, они зачарованы феодальным прошлым: моральным равенством исполнения долга, свободой самоуправления общины, почитанием своих правителей, подчинением старшим, исполнением обычаев, традиций. Их патриархальный социальный идеал основан на принятии ценностей доброй Старой Англии. Бёрк реконструирует политические отношения, Кольридж возрождает искусство поэзии, создания литературных шедевров, Саути организует практическую деятельность церкви в приходах рабочих, Карлейль указывает на истинность труда для каждой общности.

Неудовлетворенность настоящим обществом, отчасти презрение к феодальному обществу, а также анализ природы современных экономических отношений открывают социалистам путь для поиска социального идеала в просторах будущего. Новые формы собственности – обобществленная, ассоциированная, – которые должны быть сформированы в будущем, породят и новые социальные отношения. Мера участия в производстве, управлении и распределении – основной принцип справедливости в этих отношениях. Лишь только труд, а не обычай и не традиция, определяет справедливость такого участия.

Однако те и другие озабочены и тем, как можно практически, здесь и сейчас, облегчить участь маленького человека, оказавшегося один на один с машиной промышленного переворота. Только консерваторы возлагают свои упования на государство, которое должно принять на себя патерналистские обязательства, которые сложила с себя аристократия в погоне за чистоганом. Так, например, Кольридж полагает, что «поскольку негативные цели государства, а именно его собственная безопасность, обеспечиваемая его силой, и защита личности и собственности всех его членов, уже достигнуты, остаются его позитивные цели: 1) сделать средства существования более доступными каждому человеку; 2) обеспечить каждому своему члену надежду на улучшение условий жизни его самого и его детей; 3) развитие тех способностей, которые существенны для его человечности, т.е. для его рационального и морального бытия»¹.

¹ История политических и правовых учений XIX в... – С. 49.

Социалисты же рассчитывают на вовлечение самих трудящихся в преобразование их жизни, и с этим связаны как их участие в организации и развитии кооперативного и профсоюзного движения, так и разрабатываемые ими проекты – такие как оуэновский «Банк безденежного обмена» или «Новая торговая палата» Брея.

И все же в представлениях английских социалистов и консерваторов столь много общего, что поневоле задумаешься о природе этого явления, – поскольку традиционное для отечественной историографии указание на социальную демагогию английских консерваторов, на стремление феодальных кругов таким способом сохранить свое господство¹ – или на «реакционно-романтические иллюзии» социалистов² представляется недостаточным.

Для того чтобы разобраться в этом, потребуется, прежде всего, уточнить содержание понятий, казалось бы, привычных. Анализ различных, зачастую весьма значительно отличающихся одна от другой, либеральных, консервативных и социалистических доктрин позволяет, как представляется, выделить то, что составляет так сказать *ценностный стержень* каждого из этих доктринальных комплексов. Дело в том, что традиционные для политологии определения понятий не позволяют, например, выяснить, на каких основаниях мы относим Эдмунда Бёрка к консерваторам, а Бенжамена Константа – к либералам, настолько сходными выглядят их представления о правильном устройстве государства, – и как следствие – встречающееся в литературе отнесение «отца консерватизма» к числу либералов³.

Для либерализма таким стержнем является представление о самоценности свободной человеческой личности, права которой в обществе ограничены лишь обязанностью не нарушать аналогичные права других членов общества. Именно этим определяется свойственные либерализму представления о двуединстве свободы и равенства (понимаемого как равенство прав), о свободе гражданина от вмешательства государства в его частную жизнь и хозяйственную деятельность, о принципах устройства государ-

¹ История политических и правовых учений XIX в... – С. 44–45.

² Кан С.Б. Указ. соч. – С. 156.

³ См., например: Согрин В.В. Британский либерализм: этапы развития и течения // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4.

ства, способного гарантировать гражданам эти права. Естественно, что этот подход в наибольшей степени соответствует индустриальному обществу со свойственным ему индивидуалистическим самосознанием.

Для социализма это представление об обществе, обеспечивающем достойную жизнь каждому из его членов – совместными действиями всех. В условиях промышленной революции отчуждение непосредственного производителя от предмета и результатов его труда приобретает всеобщий характер, огромные массы людей оказываются вырваны из системы традиционного жизненного уклада, представлявшего их предкам единственно возможным, наблюдается резкое возрастание нищеты, пауперизации населения, – и одновременно формируются условия, позволяющие за счет неограниченных возможностей технического совершенствования производства значительно расширить представления о том, что можно будет считать достойной жизнью для каждого, когда удастся преодолеть это отчуждение. Само понятие «социализм» было введено в 1834 г. Пьером Леру как своего рода антитеза либеральному индивидуализму, как обозначение того направления общественной мысли, которое ставит «своею задачею заменить принцип индивидуального хозяйства принципом хозяйства общественного, социального»¹.

Наконец, для консерватизма это представление о здоровом общественном организме, функционирование которого зависит от того, как каждый человек, каждая социальная группа выполняют присущие им функции – и нарушения в работе любого органа чреватые серьезными проблемами для организма в целом. Вполне закономерно, что зарождается консерватизм в условиях резко ускорившегося разрушения основ традиционного общества в самом конце XVIII в. Непосредственная угроза такого разрушения начинает осознаваться в последнее десятилетие XVIII в. в связи с начавшейся во Франции революцией – и последовавшими за нею Наполеоновскими войнами, в ходе которых происходило не просто завоевание чужих территорий, но навязывание их жителям созданной во Франции системы политико-правовых норм, осно-

¹ Кареев Н.И. Общий курс истории XIX и XX вв. до начала мировой войны: В 2 ч. – М., 1919. – Ч. 1. – С. 210.

ванных на абстрактных рационалистических принципах Просвещения, одинаково чуждых как французам, так и другим европейским народам¹. Именно поэтому классический консерватизм в странах континентальной Европы, будь то де Местр или Бональд во Франции, Савиньи или Пухта в Германии, имеет по преимуществу политический или политико-правовой характер, будучи ориентирован на сохранение либо реставрацию абсолютной монархии и унаследованных от предков правовых норм. Однако в отличие от либеральных или социалистических доктрин первой половины XIX в., претендующих на универсальность, пригодность для любого народа, для любого общества, консерватизм всегда остается национальным, ориентированным на сохранение и постепенное органическое развитие собственной традиции. И в этом отношении Англия с ее укорененной в веках парламентской системой существенно отличается от стран континента, традиционным для нее является то, что для них, с точки зрения консервативной мысли, было бы в это время неприемлемым вмешательством в естественный ход истории. Общим для них остается лишь представление о Божественной санкции существующего порядка вещей и, соответственно, о необходимости восстановить влияние в обществе религиозных институтов – в соответствии с традиционной для данного общества системой вероисповедания.

Однако Англию от стран континентальной Европы отличает в первой половине XIX в. еще и то, что она значительно раньше них вступила на путь промышленного переворота и проходила его в наиболее жестких для населения страны формах. Первоначально технические изобретения, все более активно вводимые в производство, вызывали чувство восхищения. Они должны были, по мнению создателей, облегчить труд рабочих, повысить производительность трудовых усилий, найти решение технических проблем, сковывающих развитие производства. Переворот в технике еще пока не зависел от экономики, научные изобретения в обществе «воспринимались как живое свидетельство безграничных возможностей человеческого разума, начало эры полного подчинения человеком сил природы»².

¹ Оговорюсь, что речь здесь идет о тех самых принципах, которые являются основой современной либеральной демократии.

² Неманов И.Н. Указ. соч. – С. 30.

Но с 80–90-х годов XVIII в. в обществе формируется и негативное восприятие машинного производства и его последствий. Промышленная революция затронула положение всех социальных групп, привычные формы социального бытия быстро разрушались, а новые складывались очень медленно. И уже к концу XVIII в. первые его социальные последствия – катастрофический рост нищеты, падение нравов под воздействием стремления к обогащению и пр. – начинают восприниматься как угроза стабильности общества, как серьезная болезнь общественного организма. И потому консервативная мысль Англии с самого начала занята также поиском путей и способов излечения этой болезни – разумеется, используя для этой цели, прежде всего, традиционные институты.

Но таким образом становится очевидным, что и социалистическая, и консервативная мысль Англии первой половины XIX в. могут рассматриваться как две разные реакции на одни и те же явления общественной жизни и общественной мысли этой страны – на промышленную революцию и на распространение либеральных доктрин: отсюда и внутреннее сходство этих реакций.

Содержание

Предисловие	3
<i>Ю.П. Ивонин</i>	
Политическая аксиология Конфуция	10
<i>Т.А. Черновверская</i>	
Социализм и консерватизм в общественной мысли Англии первой половины XIX в.: природа общности (К постановке проблемы)	18
<i>С.Я. Ковганов</i>	
Понятие безопасности и проблема ее классификации	28
<i>О.И. Ивонина</i>	
Проблемы обеспечения безопасности личности в условиях угрозы терроризма (К вопросу о новеллизации национального и международного антитеррористического законодательства) ..	35
<i>В.Н. Юрова</i>	
Россия и Балканы: проблемы сотрудничества	43
<i>Е.А. Полиновская</i>	
Боливарианская альтернатива для Латинской Америки	57
<i>О.Н. Полевая-Далтон</i>	
Основные направления транснационализации российского бизнеса	66
<i>Т.Н. Тумакова</i>	
К вопросу о трансграничном сотрудничестве	82
<i>О.Н. Шерстобоев</i>	
Понятие административно-правового положения иностранцев: теоретический аспект	88
<i>Д.А. Матеев</i>	
Феномен одиночества в истории западной философской мысли	104
<i>Г.М. Васильева</i>	
Слово, «соблази слова» и «сотканное» слово в «Фаусте» И.В. Гете	121